ТОТ, КТО СНИТСЯ МНЕ В ОТВЕТ

Вероника Волкова

Тот, кто снится мне в ответ

«Автор»
2026

Волкова В. В.

Тот, кто снится мне в ответ / В. В. Волкова — «Автор», 2026

На записи из спальни Ника спит, улыбается и держит кого-то за руку. Только рядом с ней никого нет.Всё началось с чужого архива, старого дневника и карты Таро, на которой, под слоем краски, обнаружилась открытая дверь. Теперь каждую ночь девушка возвращается туда, где её ждёт мужчина, которого она никогда не встречала наяву. Он помнит её прикосновения. Знает, чего она хочет. И о чём предпочитает молчать. Но после этих встреч близкие начинают забывать Нику. А пробуждение всё чаще оказывается очередным сном.Чтобы выбраться, ей придётся выяснить, кто этот мужчина и почему он так боится её отпустить. На записи Ника просит его об одном: «Сегодня не позволяй мне проснуться. Даже если буду просить».

© Волкова В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Часть первая. За дверью кто-то есть 8
Глава 1. Женщина на карте 8
Глава 2. Комната без сквозняка 16
Глава 3. Лицо в зеркале 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Вероника Волкова
Тот, кто снится мне в ответ

Пролог

— А когда она проснётся, что будет со мной?

Вера Аркадьевна перестала писать.

Мужчина сидел напротив, положив руки на колени. Пока она смотрела в тетрадь, его лицо снова изменилось. Теперь у него был чуть неровный нос и складка между бровями. Вера не могла вспомнить, у кого её видела.

— С чего ты взял, что сюда кто-нибудь придёт?

Он посмотрел на второй стул возле двери.

— Ты его принесла.

Вера закрыла тетрадь. Под пальцами осталась бумажная пыль. Здесь она появлялась даже на новых листах.

— Возможно, придёт. Я пока не знаю.

— Женщина?

— Почему женщина?

— Ты всё время говоришь «она».

Вера сняла очки и положила на стол. Ей казалось, что она выбирает слова осторожно. По крайней мере, в последнее время.

В комнате было тепло. Из-за закрытого окна падал вечерний свет, хотя, когда Вера входила, снаружи ещё стояло утро. Она давно перестала пытаться определить, сколько времени здесь проводит.

Мужчина ждал ответа. Прежде он мог просидеть так весь разговор: смотреть на неё, повторять отдельные движения. Однажды она поправила рукав, и он сделал то же самое. Тогда Вера почти успокоилась.

— Люди иногда сюда попадают, — сказала она. — Во сне. Ты уже видел.

— Они меня не видят.

— Некоторые видят.

Он опустил глаза на свои руки. На правой не хватало ногтя. Вера заметила это ещё при входе, но решила не привлекать его внимания. Теперь он провёл большим пальцем по гладкой коже и спрятал руку под другую.

— Она тоже испугается?

— Может быть.

— Что мне делать?

Вера отодвинула тетрадь.

— Не подходи сразу. Дай ей осмотреться.

— Потом?

— Потом можно поговорить.

Он поднял голову.

— О чём?

— О чём она захочет. Не надо заранее готовить весь разговор.

Мужчина помолчал, разглядывая её лицо с таким вниманием, что Вере захотелось надеть очки.

— Ты готовишь, — сказал он.

— Что?

— Разговор. Перед тем как прийти.

Она взяла очки со стола, но только сложила дужки.

За стеной прошелестели страницы.

Вера обернулась к дальней двери. Под ней лежала тонкая полоса света. Некоторое время ничего не происходило, затем кто-то закашлялся.

— Мне скоро нужно будет уйти, — сказала она.

Мужчина выпрямился.

— Уже?

Вера посмотрела на него. В этом коротком вопросе было что-то знакомое. Даже голова чуть наклонилась в сторону — точно так же…

— Не надо.

Он замер.

— Что не надо?

— Так говорить.

— Как?

Она не ответила. Мужчина несколько секунд смотрел на неё, потом осторожно изменил положение головы.

— Так лучше?

Вера почувствовала усталость. Ей вдруг стало трудно сидеть прямо, держать на лице спокойное выражение, объяснять простые вещи.

— Говори своим голосом.

— А какой мой?

За дальней дверью снова зашелестела бумага. Вера провела ладонями по юбке.

— Не знаю.

Он впервые отвёл взгляд раньше неё.

На столе стояла чашка. Вера не помнила, кто её принёс. Чай давно остыл, на поверхности плавала короткая нитка. Она отодвинула чашку, чтобы случайно не задеть тетрадь.

— Когда кто-нибудь придёт, не нужно стараться всё сделать правильно, — сказала она. — Просто слушай.

— И тогда она останется?

— Возможно, ей захочется вернуться.

— Я не об этом спросил.

Вера посмотрела на него.

Он сидел неподвижно. Неровный нос, тёмные волосы, слишком пристальный взгляд. Складка между бровями стала глубже. Теперь она видела, что он действительно чего-то ждёт от неё, и это было хуже, чем повторение жестов.

— Люди просыпаются, — сказала Вера. — У них там своя жизнь.

— У тебя тоже была.

Она резко встала. Ножка стула зацепилась за половицу, и в тишине звук показался оглушительным.

Мужчина поднялся следом.

— Я что-то не то сказал?

— Нет.

Он посмотрел на её руки. Вера так сильно сжимала тетрадь, что край обложки вдавился в ладонь.

— Ты сердишься.

— Мне нужно идти.

Она убрала очки в карман и направилась к двери. Мужчина не пошёл за ней. Это немного успокоило.

У порога Вера остановилась.

— Я ещё зайду.

— Когда?

— Позже.

— Сегодня?

Она коснулась ручки.

— Я не могу обещать.

Некоторое время было тихо. Затем он спросил:

— А если она не вернётся?

Вера не обернулась.

— Значит, не вернётся.

— А я всё это время буду здесь?

Ей хотелось сказать, что он не заметит ожидания. Что без человека комната пустеет, свет гаснет, вещи теряют очертания. Что ему нечего бояться.

Но она не знала, так ли это.

За дальней дверью её позвали:

— Вера?

Она шагнула в коридор и начала закрывать дверь.

— Подожди.

Рука остановилась сама.

Мужчина стоял между столом и двумя стульями. Он больше не пытался смотреть на неё знакомым взглядом или держать голову так, как ей хотелось. В полумраке его лицо стало совсем чужим.

— Ты ведь знаешь, как это делается, — сказал он.

— Что?

— Чтобы человек мог уйти, но остался.

Вера молчала.

Он посмотрел мимо неё, на свет под дальней дверью.

— Научи меня.

Часть первая. За дверью кто-то есть

Глава 1. Женщина на карте

Мужчина в письме просил вернуть ему ключи. До этого он исписал три страницы: объяснил, почему не приехал, почему не смог предупредить и почему женщина, с которой его видели в Ялте, не имела никакого отношения к случившемуся. Про ключи вспомнил в самом конце, приписав просьбу поперёк полей.

Ника осторожно расправила загнувшийся угол.

«Если ты всё-таки решила, передай через Лиду».

Что именно решила адресатка, выяснить уже не получалось. Нижняя часть письма пострадала от воды; от нескольких строк остались бурые тени. Ника подвинула лампу, посмотрела под другим углом и сняла очки. На переносице отпечатались две красные вмятины.

Возле коробки с инструментами завибрировал телефон.

Ася: Ты сегодня во сколько заканчиваешь?

Ника посмотрела на время. Без двадцати четыре.

Ника: Часов в семь. А что?

Ася: Давай поужинаем у тебя? Я всё куплю.

Ника: Давай. К восьми буду.

Следом пришла фотография супермаркетной тележки. Внутри лежали помидоры и бутылка вина. Ника начала печатать ответ, но в дверь мастерской постучали. Она положила телефон экраном вниз, накрыла письмо защитным листом и пошла открывать.

Мужчина в коридоре держал плоскую коробку, перевязанную серой тесьмой. Под мышкой у него была папка. Тёмное пальто намокло на плечах; к рукаву прилип маленький жёлтый лист.

— Вероника Соколова?

— Да. Здравствуйте.

— Павел Ланской. Я вам писал насчёт архива.

Она вспомнила письмо и приложенную фотографию: угол коробки, несколько тетрадей. По такому снимку трудно было оценить даже состояние переплётов.

— Проходите. Коробку можно сюда, на стол.

Павел осторожно поставил её на свободное место. В мастерской едва помещались два больших стола, шкаф для материалов и стеллаж с работами. У окна стояло зелёное кресло, с которого Ника перед его приходом убрала упаковки.

— Раздевайтесь, если хотите. Здесь тепло.

— Спасибо, я ненадолго.

Он всё же снял пальто, перебросил его через спинку кресла и чуть отодвинул кресло от стола. Садиться не стал.

Ника придвинула лампу.

— Вы писали, это вещи вашей мамы?

— Да. Веры Аркадьевны Ланской.

Он посмотрел на неё, будто ждал, что имя окажется знакомым. Ника промолчала, и Павел продолжил:

— Она собирала старые письма, дневники. Покупала у людей, иногда целыми коробками. Тут есть и её собственные записи. Я не всё разобрал.

— Какой-то список сохранился?

— Я составил. Не знаю, насколько правильно.

Он достал из папки два листа. Ника пробежала глазами перечень: две тетради, конверт с фотографиями, семнадцать писем, колода карт.

— Для начала подойдёт. А что вас больше всего интересует? Письма, тетради?

— Всё, что получится прочитать. И… хотелось бы понять, ничего ли не пропало.

— Вам кажется, что здесь чего-то не хватает?

Павел провёл пальцем по краю папки.

— Я не уверен.

— Если в тетрадях вырезали страницы, я, скорее всего, замечу. Но если из коробки забрали письмо, а в списках его нет, тут я вряд ли помогу.

— Да, понимаю. Посмотрите, пожалуйста, что сможете.

Серая тесьма развязалась легко. Под крышкой лежала пожелтевшая бумага, сложенная в несколько слоёв. Ника отогнула её. Письма были собраны в стопку и перехвачены узкой полосой ткани. Рядом помещались две тетради — синяя и чёрная, с потёртыми уголками. На чёрном переплёте остался тёмный прямоугольник от наклейки. Колода лежала отдельно, в неглубоком футляре.

Ника осмотрела коробку изнутри. В одном углу бумага пошла волной.

— Это после протечки?

— Наверное. У соседей сверху лопнула труба. Но коробка стояла в шкафу, до неё почти не дошло.

— Давно это было?

— Весной.

— А с тех пор всё там и лежало?

— Да. Квартира пустая. Я приезжаю иногда проверить.

Ника склонилась над письмами. Старая бумага, картон, пыль. Сыростью не тянуло. Она осторожно отделила верхний конверт от следующего.

— Кто-нибудь уже пытался с этим работать? Чистить, расправлять?

— Один человек смотрел.

— Реставратор?

— Мне его порекомендовали. Но в итоге не получилось договориться.

— Он что-то делал или только осмотрел?

Павел помедлил.

— Насколько я знаю, только осмотрел.

— Если у вас остались его фотографии или заключение, пришлите. Даже короткую переписку. Мне лучше знать заранее, что с вещами происходило.

— Хорошо. Я поищу.

Он заметил лист на рукаве пальто, снял его и сложил пополам. Пока Ника осматривала тетради, держал в пальцах. Потом переложил в другую руку.

Она придвинула футляр с картами.

— Открою?

Павел кивнул.

Карты оказались узкими, длиннее обычных игральных. Рубашки покрывал узор из переплетённых ветвей. Ника сравнила две: линии немного расходились, одна ветка заканчивалась раньше.

— Нарисованы вручную, — сказала она.

На верхней карте женщина в светлой одежде держала чашу у груди. Над чашей склонилась птица. Внизу сохранились часть рамки и римская цифра, которую закрывало тёмное пятно. На следующей была лестница, уходящая в воду.

— Это Таро?

— Мама так говорила.

— Вы сами ими пользовались?

— Нет. Я в этом ничего не понимаю.

Ника разложила несколько карт на чистом листе. Потёртые края, мелкие утраты изображения. Одну когда-то перегнули, а затем расправили: линия излома проходила через нарисованное солнце.

— А вы? — спросил Павел.

— Тоже нет. Я могу разобраться, как они сделаны. А что означают рисунки, придётся искать отдельно.

Последнюю карту почти целиком закрывал серо-коричневый слой краски. Внизу оставалась узкая полоска светлого дощатого пола и кончик чёрной туфли. Ника поднесла карту к лампе. Покрытие растрескалось; у края маленький фрагмент отстал от поверхности.

— Эту закрасили позже.

Павел подошёл ближе.

— Можно убрать?

— Возможно. Сначала посмотрю, как держится нижний слой. Если краска сцепилась с рисунком, можно снять и то и другое.

— Мне бы хотя бы узнать, что там было.

Ника взглянула на него. До сих пор он почти не вмешивался в осмотр.

— Я понимаю. Но обещать пока не буду. Начнём с маленького участка, если состояние позволит.

Павел кивнул. Положил сложенный лист на стол, тут же забрал и спрятал в карман.

Они согласовали осмотр, фотографии и пробное раскрытие. Павел подписывал документы стоя, положив папку на край стола. На бумаге оставались глубокие следы от нажима ручки.

— В тетрадях может быть что-то про карты? — спросила Ника.

— Думаю, да. Мама много записывала.

— Тогда я их просмотрю. Возможно, это поможет с работой.

— Конечно. Читайте.

Он ответил так быстро, что Ника подняла глаза.

— Там личные записи тоже есть?

— Есть. Но это неважно. Смотрите всё, что понадобится.

— Хорошо.

В коридоре Павел никак не мог попасть рукой в рукав. Ника придерживала дверь, пока он расправлял подкладку.

— Я вам напишу после осмотра. В начале следующей недели, скорее всего.

— Спасибо.

Он сделал несколько шагов, остановился и обернулся.

— А вы здесь одна работаете?

— В этой комнате — да. За стеной переплётчик. Что-то хотели?

— Нет. Просто тихо у вас.

Из соседней мастерской донёсся удар, затем приглушённое ругательство. Ника невольно посмотрела на стену.

— Борис ещё на месте, — сказала она. — Обычно до семи.

Павел слабо улыбнулся и пошёл к лестнице.

Закрыв дверь, Ника вернулась к столу. Коробка стояла под лампой, открытая, со сдвинутой крышкой. Она поправила защитную бумагу и заставила себя сначала закончить письмо про ключи.

К новому архиву Ника вернулась, когда за окнами уже начало темнеть. Она сфотографировала коробку и расположение вещей, сняла крупным планом переплёты, сверила письма с описью. Карты пересчитала дважды. Двадцать две.

Закрашенную положила отдельно.

При боковом свете покрытие выглядело грубее. На других картах даже тонкие ветки были выписаны аккуратно, а здесь краска лежала короткими неровными мазками. Местами просвечивала, местами собиралась в густые наплывы. Ника провела свет вдоль поверхности. Под одним из отставших краёв виднелась вертикальная линия — возможно, косяк. Ниже проступала часть руки.

Она сделала несколько снимков под увеличением. Потянулась к блокноту, но заметила новое сообщение.

Ася: Я уже у тебя. Ты скоро?

Ника набрала сестру.

— Я немного задерживаюсь.

— Ты ещё работаешь?

— Да. Принесли новую вещь, хочу закончить осмотр.

В трубке зашуршал пакет.

— Ладно. Только не до ночи, пожалуйста. Я сейчас картошку поставлю.

— А ты давно пришла?

— Минут десять назад. Заглянула в холодильник — у тебя там три яйца и горчица. Ты вообще ела сегодня?

— Ела.

— Что?

Ника посмотрела на пустую чашку возле компьютера.

— Бутерброд. Слушай, я буду через час.

— Ника, давай правда через час. Мне ещё рассказать тебе кое-что надо.

Она выпрямилась на стуле.

— Что случилось?

— Помнишь, я подавалась на проект? Ну, со звуком, куда надо уезжать.

— Да.

— Мне ответили.

— И что?

— Взяли.

— Ась, ну здорово! Почему сразу не сказала?

— Я тебе и пытаюсь сказать. Приезжай, за ужином расскажу.

Ника ещё раз взглянула на часы.

— Хорошо. Я заканчиваю.

— Жду.

После звонка она поставила таймер на сорок минут. Останется время убрать инструменты, одеться и дойти домой.

Участок покрытия возле края почти не держался. Под увеличением Ника проверила, как он отделяется от нижнего слоя. На пробе рисунок не пострадал. Она открыла узкую полоску, сфотографировала результат и продолжила, время от времени останавливаясь, чтобы сменить угол света.

Постепенно появились стена, часть двери и женское плечо. Под тусклой серой краской обнаружились тёплые коричневые тени. Ника приблизила лампу. Женщина стояла спиной к зрителю, в тёмном платье, перед закрытой дверью. Правую руку держала возле ручки, но не касалась её. Казалось, она только что собиралась войти и замерла, прислушавшись.

Таймер зазвонил, когда Ника рассматривала зеркало слева от двери. Она отключила звук, не отрывая взгляда от карты.

В зеркале отражались часть женского лица и светлая стена за спиной. Остальное пока скрывало покрытие. Справа стоял деревянный стул с плетёным сиденьем. У его ножек тень раздваивалась, образуя ещё два тонких тёмных отрезка. Ника увеличила фотографию. Художник мог сначала поставить стул иначе, а потом передумать. Возле стены, под сиденьем, темнело маленькое кольцо.

Она сняла ещё один кадр и только тогда заметила время: двадцать часов семь минут.

За стеной давно не стучали. Борис уже ушёл; она смутно припомнила, как хлопнула входная дверь.

На телефоне было сообщение.

Ася: Ужин готов. Ты вышла?

Ника выругалась вполголоса. Убрала карту в отдельную папку, подписала номер и торопливо отметила сделанное. Зеркало оставила на завтра.

Рядом лежала чёрная тетрадь. Ника уже взяла её, чтобы вернуть в коробку, но раскрыла на первом листе. Хотелось проверить, нет ли там описания колоды: у коллекционеров нередко бывали собственные номера и списки.

Вверху стояло имя: В. А. Ланская. Ниже — адрес и телефон, зачёркнутый двумя линиями. Почерк был быстрым, крупным. К правому краю буквы теснились. Первые страницы занимали записи о покупках: даты, фамилии, суммы, названия городов.

Ника перевернула несколько листов и остановилась.

Прямоугольная комната. Дверь, зеркало, окно. Возле стены — два маленьких квадрата с короткими линиями ножек.

Она снова открыла папку. На карте окна не было, хотя свет падал слева: оно вполне могло остаться за пределами рисунка. Стул был один. На схеме — два, рядом.

Под рисунком шла запись:

Повторяется та же комната. На этот раз я смогла рассмотреть её до конца. Зеркало слева от двери, окно у меня за спиной. Стулья пришлось поставить рядом: иначе он всё время оставался вне поля зрения.

Ника поискала дату. Она стояла вверху страницы; год расплылся под старой каплей. Разбирались только число и месяц: 14 ноября.

Следующая запись была сделана с более сильным нажимом:

Утром проверила карту. Второй стул остался.

У самого нижнего края добавлено:

Значит, вещи можно переносить.

Ника придвинула карту. Один стул, раздвоенная тень у ножек. Она уже потянулась к лампе, когда зазвонил телефон.

— Прости, я ещё в мастерской.

— Ты же собиралась выходить.

— Знаю. Сейчас уберу всё и пойду.

Ася несколько секунд молчала.

— Я не буду тебя ждать, поем.

Ника опустила руку с лампы.

— Конечно. Ешь. Я минут через двадцать буду.

— Ладно.

На этот раз она закрыла тетрадь сразу. Убрала папку с картой в шкаф, письма — в коробку, инструменты — на место. Проверила окно и отключила рабочий свет. Уже у двери заметила, что зелёное кресло осталось наискось после Павла Ланского. Вернулась и придвинула его к стене.

Ася открыла босиком, с кухонным полотенцем на плече.

— Привет. Проходи, я тебе разогрею.

— Я сама. Прости, что так поздно.

— Да ладно. Раздевайся.

В одном ухе у Аси висела серебряная серьга в форме рыбы. Второе было пустым.

— А где вторая?

Сестра потрогала мочку.

— Потеряла где-то. Дома искала, в сумке тоже нет. Может, здесь оставила, когда в прошлый раз ночевала.

— Посмотрю потом.

На кухне пахло розмарином и запечённым чесноком. Ника вымыла руки и села за стол. Ася достала из духовки тарелку, поставила перед ней и подвинула салат.

Первые несколько минут Ника почти не разговаривала. Только за едой поняла, как проголодалась. Ася сидела напротив, отламывала от куска хлеба маленькие кусочки и смотрела, как она ест.

— Ну что тебе там принесли?

Ника проглотила.

— Старые карты. Одну кто-то закрасил. Я начала снимать верхний слой и засиделась.

— А зачем закрасили?

— Пока не знаю.

Она нашла фотографию и передала сестре телефон. Ася увеличила изображение.

— Это ты уже расчистила?

— Почти. У зеркала ещё осталось.

— Странная какая-то картинка.

— Почему?

— Ну, стоит у двери. Будто боится зайти.

Ника наклонилась к экрану.

— Или слушает.

— Может быть.

Ася ещё раз провела пальцами по изображению.

— Стул красивый. У бабушки похожий был, помнишь?

— У неё сиденье было другое.

— Да? Мне казалось, тоже плетёное.

Она вернула телефон. Ника собиралась показать тетрадь, но Ася отодвинула хлеб и сказала:

— Я двадцать третьего уезжаю.

Ника подняла глаза.

— Уже? Через две недели?

— Да.

— Я думала, вы ещё обсуждаете.

— Обсуждали. Сегодня всё подтвердили.

— И надолго?

— На четыре месяца. Пока на четыре.

Телефон остался у Ники в руке. Она погасила экран и положила его возле тарелки.

— А здесь работа?

— Часть закончу до отъезда. Остальное смогу делать оттуда.

— Где жить будешь?

— Они снимают квартиру. Мы вдвоём с девушкой из команды, у каждой своя комната.

— Ты её знаешь?

— Мы созванивались.

Ника взяла вилку, но есть уже не хотелось.

— А договор тебе прислали?

— Прислали. Ник, я всё прочитала. И про жильё спросила, и про деньги.

— Я просто уточняю.

— Я понимаю. Но ты даже не спросила, что мы будем делать.

Ника посмотрела на неё. Ася сидела, опершись локтями о стол. Вилка лежала поперёк пустой тарелки. Она, видимо, успела придумать, как расскажет про поездку, пока ждала Нику, а теперь отвечала на вопросы, к которым не готовилась.

— Расскажи.

— Ты точно сейчас можешь? Или тебе ещё по работе надо?

— Могу. Телефон убрала.

Ася помедлила.

— Я тебе в понедельник хотела рассказать. Потом голосовое отправила.

Ника вспомнила непрослушанное сообщение. В понедельник они собирались встретиться, но она отменила: надо было закончить заказ. Вчера написала «вечером послушаю». Так и не послушала.

— Прости. Я правда замоталась.

— Да я знаю.

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по потолку и пропал.

— Ты хочешь поехать? — спросила Ника.

Ася сразу кивнула.

— Очень. Я, если честно, до последнего думала, что меня не возьмут.

Ника заметила, как сестра старается не улыбаться слишком широко, пока они ещё выясняют отношения. От этого стало стыдно.

— Я рада, что взяли. Правда. Просто четыре месяца… Я не ожидала.

— Мы будем созваниваться.

— Будем.

— И приедешь ко мне.

Ника улыбнулась.

— Сначала ты доедь.

— Ну вот. Уже лучше.

Ася потянулась через стол, сжала её руку. Ника удержала её ладонь на секунду дольше, чем нужно, и отпустила.

— Давай с начала. Как тебе сообщили?

Сестра придвинула стул.

— Мне позвонили, когда я была в магазине. Я сначала даже не поняла, кто это…

Ника слушала. Иногда спрашивала, иногда смеялась вместе с ней. Телефон так и лежал экраном вниз.

Ася ушла ближе к одиннадцати. После её ухода квартира сразу стала тише. Ника убрала остатки еды, вымыла посуду, приготовила одежду на утро. В ванной поискала сестрину серьгу на полочке и возле раковины, но не нашла.

Обычно перед сном она читала. Сегодня взяла телефон, чтобы ещё раз посмотреть карту.

На маленьком экране комната казалась глубже. Женская рука была написана тщательно: сгиб пальца, тонкая тень у запястья. На дверной ручке сохранился крошечный белый блик. Ника увеличила зеркало, но лицо распалось на пятна.

Она открыла снимок страницы из тетради.

Стулья пришлось поставить рядом: иначе он всё время оставался вне поля зрения.

Кто — он?

Вероятно, Ланская записывала сны. Потом зарисовывала их или переносила отдельные детали на карту. Может быть, и колоду сделала сама. Павел мог этого не знать: он вообще мало что сумел рассказать о вещах матери.

Ника поставила напоминание спросить, рисовала ли Вера Аркадьевна, и убрала телефон на тумбочку.

В стене зашумела вода. На улице кто-то несколько раз пытался завести машину. Сосед сверху уронил что-то на пол; предмет покатился, остановился, затем послышались шаги.

Ника лежала на боку и думала об Асиной поездке. Четыре месяца — не так уж долго. Они и сейчас иногда не виделись неделями. Правда, Ася всё это время была рядом: можно было позвонить, попросить заехать, предложить встретиться. Ника постоянно откладывала встречи. Теперь сестра уезжала, и все вечера, когда они могли увидеться, но не увиделись, почему-то вспоминались один за другим.

Она перевернула подушку прохладной стороной. На кухне ещё пахло розмарином. Надо было открыть окно после ужина.

Мысли начали путаться. На секунду Ника увидела рабочий стол и раскрытую тетрадь. Кажется, лампу она не выключила. Или выключила, а потом снова включила, когда убирала карту?

Она попыталась открыть глаза.

Под правой ладонью была гладкая прохладная поверхность. Ника пошевелила пальцами, нащупала край и маленькое углубление.

Дверная ручка.

Она отдёрнула руку.

Перед ней стояла закрытая дверь с узкой царапиной на уровне глаз. Слева висело зеркало, справа — стул с плетёным сиденьем. Ника узнала комнату сразу.

И только после этого заметила: стульев было два.

Глава 2. Комната без сквозняка

Второй стул стоял чуть позади первого, у самой стены. Ника смотрела на него, всё ещё держа руку на весу. Пальцы были согнуты, словно обхватывали исчезнувшую ручку. Она опустила руку.

На ней была та же длинная футболка, в которой она легла спать. Босые ноги чувствовали неровности пола; между двумя досками проходила широкая щель, забитая тёмной пылью. Ника пошевелила пальцами ног.

— Хорошо, — сказала она.

Голос прозвучал глухо, словно комната была завешана тканью. Ника попробовала рассудить спокойно: она спит. Несколько часов рассматривала картинку, читала чужие записи, думала о них перед сном. Мозг добросовестно использовал материал. Вот теперь можно узнать, каково это — понимать во сне, что спишь.

Она закрыла глаза, представила свою кровать, тумбочку, телефон на зарядке. Нащупала большим пальцем ноготь указательного, надавила.

Когда она открыла глаза, дверь оставалась перед ней. Вблизи обнаружились несколько слоёв светлой краски, потёк возле нижней филёнки и вмятина на косяке. На карте этих деталей она не заметила. Латунная ручка блестела там, где за неё обычно брались.

Ника нажала. Ручка опустилась, но дверь не открылась. Она потянула сильнее, затем толкнула; дерево едва слышно скрипнуло. Замочной скважины не было.

Ника наклонилась и осмотрела место под ручкой. Краска здесь лежала ровно, без следов заделанного отверстия.

— Предусмотрительно.

За дверью было тихо. Она приложила ладонь к дереву. Холодной оказалась только ручка; сама дверь сохраняла мягкое, почти телесное тепло. Ника убрала руку и повернулась. Комната продолжалась за её спиной ещё на несколько шагов. В дальней стене находилось окно, именно там, где его нарисовала Вера Аркадьевна. Оно было высоким, с широким подоконником. Свет проходил сквозь матовые стёкла. Ни домов, ни ветвей, ни движения за ними не различалось. Ника подошла ближе.

На нижней раме сидела высохшая муха. Одно крыло прилипло к краске, второе торчало под углом. Эта ненужная подробность тревожила больше запертой двери: Ника не могла вспомнить её на рисунке.

Она нашла шпингалет и попыталась поднять его. Металл не сдвинулся; краска вокруг выглядела старой и целой. Верхняя створка начиналась под самым потолком. Можно было подставить стул.

Мысль пришла совершенно обыденная, и от этого Ника вдруг почувствовала себя глупо. Стоит босиком в собственной выдумке, собирается чинить окно. Она сжала пальцами кожу на предплечье. Боль была ясной, небольшой.

— Очень полезно, спасибо.

На руке осталось красное пятно. Ника снова закрыла глаза. В её спальне уличный свет ложился над шкафом тусклым прямоугольником. Она вспомнила его, край одеяла, тяжесть подушки под щекой. Комната будто качнулась, и Ника замерла, боясь спугнуть ощущение.

Из-за двери донёсся шорох. Ника открыла глаза: кто-то провёл по дереву с другой стороны, медленно, сверху к ручке.

Она задержала дыхание. Звук повторился ниже — то ли рукав задел дерево, то ли по нему скользнула ладонь.

— Эй?

Никто не ответил. Ника посмотрела на стулья. Оба были из тёмного дерева, с выгнутыми спинками; у ближнего порвались две полосы плетения на сиденье. Под ним лежало кольцо, отсюда совершенно чёрное.

Она присела. Между ножками скопилась пыль, но вокруг кольца пол был чистым. Ника протянула руку — и за дверью коротко ударили. Она отдёрнула пальцы, не успев коснуться металла.

Несколько секунд сидела неподвижно, затем медленно выпрямилась.

— Если это мой сон, можно без дешёвых эффектов?

От звука собственного голоса стало легче. Ника подошла к зеркалу. Рама потемнела, в нижнем углу стекло покрылось чёрными точками. Она увидела себя: волосы после сна, бледное лицо, растянутый ворот футболки. Один рукав сполз с плеча.

Ника подняла руку, повернула голову, высунула язык. Отражение послушно повторяло движения. Она чувствовала себя глупо, но не могла остановиться, пока не проверила.

В зеркале отражались окно и часть пола. Дверь находилась сбоку, за пределами видимого пространства. Стулья тоже почти не попадали в отражение — только край спинки ближнего. Ника вспомнила запись.

Стулья пришлось поставить рядом: иначе он всё время оставался вне поля зрения.

Кто — он? Муж, посетитель, кто угодно. Вера Аркадьевна могла записывать обычный сон, а Ника сейчас достраивала его из прочитанного. И всё же она огляделась: как можно не заметить человека в такой маленькой комнате?

Она отодвинула целый стул от стены. Ножки протяжно скрипнули. Ника замерла.

За дверью ответили шаги.

Человек подошёл вплотную и остановился. Ручка чуть опустилась под тяжестью его ладони. Ника схватилась за спинку стула. Ручка поднялась обратно.

Потом шаги начали удаляться. Ника считала, не понимая зачем: семь, восемь. На девятом звук исчез.

Ника обнаружила, что слишком сильно держится за стул. Деревянный край впился в ладонь.

— Я здесь, — сказала она.

Ей сразу захотелось взять слова обратно. Ника придвинула целый стул к двери и поставила боком, заслонившись спинкой от ручки. Преграда получилась ненадёжной, но стоять за ней было легче. С нового места в зеркале виднелась узкая полоса двери. Ника отступила к окну.

На подоконнике лежала пыль. Через неё тянулись короткие параллельные полосы: кто-то опирался здесь пальцами. Ника приложила ладонь рядом — чужой след был больше.

Она не могла вспомнить, сколько уже стоит у окна. За матовым стеклом медленно гас свет, тени на полу вытягивались. Ника оглянулась на дверь.

В нижней щели появилась полоска света, и её пересекла тень. Кто-то снова стоял снаружи. Затем раздались три короткие вибрации, пауза, ещё три.

Ника узнала свой телефон. Пошарила по бокам футболки, хотя карманов на ней не было, и двинулась к двери. Телефон звонил за ней, совсем близко.

Она проснулась оттого, что не могла вытащить руку из-под подушки. Телефон вибрировал на тумбочке. Ника дёрнулась, села и уронила одеяло на пол. В спальне было темно. Уличный свет лежал прямоугольником над шкафом. На экране высветилось имя Аси. Ника приняла звонок.

— Что?

— Ты спишь?

Она провела ладонью по лицу.

— Спала.

— Извини. Я рыбу у тебя не оставила?

Ника молчала.

— Серьгу, — пояснила Ася. — Я сняла вторую, пока мыла голову. Теперь обеих нет. Очень цельный образ получается.

Из трубки доносился шум воды.

— Ника?

— Да.

— Всё нормально?

Она посмотрела на дверь спальни. Та была открыта. В коридоре горел свет, который Ника забыла выключить.

— Приснилось странное.

— Я тебя вытащила из чего-нибудь хорошего?

— Скорее нет.

— Тогда серьга очень удачно потерялась.

Ника опустила ноги на пол.

— Который час?

— Половина второго. Я думала, ты ещё читаешь.

Ей казалось, что она провела в той комнате гораздо дольше.

— Посмотрю утром.

— Конечно. Спи.

— Ась.

— М?

Ника не сразу придумала, что сказать.

— Ты точно хочешь ехать?

Сестра вздохнула.

— Да.

— Хорошо.

— Ты меня ради этого остановила?

— Нет. Не знаю. Всё, спокойной ночи.

После звонка Ника осмотрела предплечье. Красного пятна не было. Она подошла к выключателю, несколько раз включила и выключила свет, потом принесла воды. Сон не распадался, как обычно: пальцы ещё помнили упругость плетёного сиденья, перед глазами стояли муха и потёк возле филёнки. Ника взяла с тумбочки рабочий блокнот.

Ника открыла чистую страницу.

Комната. Два стула. Один сломан спереди.

Подумала и добавила:

На целой спинке сзади три пореза.

Эту деталь она увидела, когда двигала стул. Три коротких следа, расположенные друг под другом. Нижний был глубже остальных. Дальше:

Окно не открывается. Ручка двери тёплая? Нет. Ручка холодная. Дверь тёплая.

Она перечитала запись и почувствовала усталость.

Кольцо под стулом. Не трогала.

Ника сфотографировала страницу и отправила снимок самой себе. На экране было 1:43. Прежде чем положить ручку, она вспомнила ещё одну вещь: когда человек за дверью ушёл, ей стало страшнее.

Утром записи напоминали подготовку к нелепому ремонту: два стула, окно не открывается. Ника ждала, пока закипит чайник, и хмурилась над вопросительным знаком возле температуры ручки. Даже во сне умудрилась составить неточный отчёт.

Серьга нашлась возле стиральной машины. Ника сфотографировала её и отправила Асе.

Ника: Один экземпляр обнаружен. Второй, вероятно, размножается.

Сестра ответила почти сразу.

Ася: Храни. Вернусь за обоими.

Ника выпила кофе и ещё раз открыла фотографии карты. На первом, сделанном после расчистки, был один стул. Она увеличила снимок. Под сиденьем темнело кольцо. У ножек проходили лишние линии, которые вчера показались ей остатками исправленного рисунка. Второго стула не было. Ника перевела взгляд на блокнот. Три пореза сзади на спинке. На фотографии спинка была обращена к зрителю передней стороной. Проверить было нечего. Она закрыла изображение.

Мозг легко мог придумать три пореза. Для этого ему даже не требовалось особенно стараться.

В мастерскую Ника пришла раньше обычного. В коридоре пахло влажной тряпкой; у двери переплётчика стояли пакет с мусором и рулон картона. Среди этих привычных вещей её нетерпение казалось нелепым. Она включила свет, поставила чайник и достала папку.

Карта лежала лицевой стороной вверх. Целый стул стоял у двери, боком, частично заслоняя ручку.

Ника опустила папку и открыла вчерашнюю фотографию. Один стул справа от двери. На карте их было два: старый, с повреждённым сиденьем, остался у стены, а второй стоял там, куда она передвинула его ночью.

Она проверила время создания файла: вчера, двадцать часов семь минут. Открыла предыдущий снимок, затем общий вид рабочего стола.

Везде один стул. Ника села. Чайник выключился с сухим щелчком. Она сделала новую фотографию: два. Стало ненадолго легче — камера тоже это видела. Ника увеличила снимок, убедилась, что ничего не изменилось, и набрала Асю.

— Ты вчера смотрела карту.

— Доброе утро и тебе.

— Помнишь?

— Женщина возле двери?

— Да. Сколько там было стульев?

В трубке стало тихо.

— Что?

— Стульев. Ты ещё сказала, что красивый.

— Один, наверное.

— Наверное или один?

— Ника, я смотрела секунд десять.

Она закрыла глаза.

— Извини.

— Что происходит?

— Мне нужно кое-что проверить.

— По работе?

Ника посмотрела на открытую папку.

— Да.

Ответ получился слишком быстрым. Ася помолчала.

— Ты сегодня опять плохо спала?

— Немного.

— Ты вчера тоже выглядела уставшей.

— Я перезвоню.

— Ника…

— Правда перезвоню.

Она отключилась и отложила телефон. Проверила остальные карты, пересчитала, сверила рубашку, повреждение нижнего угла и утрату красочного слоя у рамки. Карта была та же. Проверять знакомые приметы оказалось легче, чем думать о том, что изменилось. Ника открыла чёрную тетрадь.

Утром проверила карту. Второй стул остался.

Вчера фраза выглядела записью чужой фантазии. Теперь Ника прочитала её несколько раз, каждый раз задерживаясь на слове «утром». Она перевернула страницу. Следующая запись занимала всего четыре строки. Почерк стал мельче. Вера Аркадьевна сильно нажимала на ручку; на обороте предыдущего листа остались бороздки.

Мне удалось оставить дверь закрытой. Это помогает, хотя он всё ещё ходит по коридору.

Ниже было дописано:

Нельзя отвечать, пока не поймёшь, кому отвечаешь.

Ника подняла глаза. В мастерской было тихо. Она вспомнила, как сказала: «Я здесь». В коридоре раздались шаги. Ника вздрогнула так сильно, что задела локтем пустую чашку. Та покатилась по столу; она успела поймать её у самого края. За стеной звякнули ключи, открылась соседняя дверь. Переплётчик громко чихнул.

— Доброе утро! — крикнул он.

— Доброе, — ответила Ника.

Голос вышел хриплым. Ника налила воды и держала горячую чашку обеими руками, пока не перестало трясти. Потом вернулась к карте.

Теперь стул был повёрнут к ней задней стороной спинки. Под увеличением проступили волокна древесины, потёртость, маленькая светлая точка. Чуть ниже шли три пореза.

Один под другим. Нижний был глубже остальных.

Глава 3. Лицо в зеркале

Ника сняла очки и протёрла их краем чистой салфетки. Три пореза никуда не исчезли. Она ещё раз посмотрела в блокнот. Запись была сделана ночью, в час сорок три — время осталось в сообщении, которое Ника тогда отправила самой себе вместе с фотографией страницы.

На целой спинке сзади три пореза.

Ника положила блокнот рядом с папкой, выровняла их по краю стола. Запись существовала раньше, чем она увидела изменившуюся карту.

За стеной загудел аппарат. Борис двигал что-то, кашлял, открывал ящики. Под эти звуки ещё можно было поверить, что Ника просто перепутала снимки. Она открыла на компьютере вчерашнюю и сегодняшнюю фотографии.

Ника проверила названия файлов, размер, время создания. Увеличила вчерашнее изображение до тех пор, пока оно не распалось на цветные квадраты. В месте, где теперь находилась спинка второго стула, прежде была стена. Она отодвинула клавиатуру. Чай в чашке остыл.

— Борис?

Гудение прекратилось не сразу.

— А?

— Зайди на минуту, пожалуйста.

Он появился в дверях с карандашом за ухом. На свитере возле живота прилипла длинная белая нитка.

— У тебя клей есть?

— В шкафу. Посмотри сначала.

Ника развернула к нему монитор. Борис наклонился.

— Куда?

— Две фотографии. Что отличается?

Он перевёл взгляд с одного снимка на другой.

— Стул добавился.

— Да.

— Ещё женщина темнее стала. Или свет другой.

— Свет другой.

Борис посмотрел на карту.

— Ты верхний слой сняла?

— Здесь сняла. — Ника показала край. — А здесь изображение было открыто вчера.

Он приблизился к столу.

— Значит, снимок раньше сделан.

— Посмотри время.

— Ника, я в ваших телефонах не понимаю. У меня фотографии внука почему-то между квитанциями за прошлый год лежат.

Он выпрямился, придерживая поясницу.

— Что с ней не так?

Ника могла рассказать о сне, блокноте, порезах на спинке. Борис ждал, придерживая поясницу.

— Пытаюсь понять, могла ли ошибиться с последовательностью.

— Могла. Ты вчера до ночи сидела.

Он уже повернулся к шкафу.

— Клей на второй полке?

— На третьей.

Борис взял банку и ушёл. Разницу он увидел сразу; это хоть немного помогало. Ника открыла документ и начала перечислять события.

Карта поступила вчера. Изображение было частично закрыто. После расчистки сделана фотография. Ночью приснилась комната. Во сне передвинут стул. Утром положение стула на карте соответствует…

Она выделила последний абзац и удалила.

Через несколько секунд нажала отмену.

Павел ответил после пятого гудка.

— Вероника?

— Доброе утро. Мне нужно уточнить несколько вещей по архиву.

— Да, конечно.

В трубке слышалось движение машин. Потом хлопнула дверца, и стало тише.

— Ваша мама сама рисовала?

— В молодости. Насколько я помню.

— Колода могла быть её работой?

— Думаю, нет.

— Почему?

— Она приобрела её уже взрослой. Я тогда жил отдельно.

Ника посмотрела на тетрадь.

— Где приобрела?

— Не знаю. Может быть, в записях есть.

— Вы их читали?

Павел помолчал.

— Некоторые.

— Здесь описаны комнаты, изображённые на картах. Ваша мама пишет, что видела их во сне.

— Да.

— Вы знали об этом?

— Мать много записывала.

— Павел, я спрашиваю, потому что хочу понять происхождение предмета. Вы отдаёте мне материалы, связанные между собой, но ничего об этой связи не сообщаете.

— Я сообщил всё, что знаю.

— Вчера вы сказали, что колоду уже осматривал другой специалист. У вас остался его контакт?

На этот раз пауза была длиннее.

— Нужно поискать.

— Поищите, пожалуйста.

— С картами что-то случилось?

Ника посмотрела на дверь в коридор. Борис снова включил аппарат.

— Изображение под покрытием сохранилось хорошо, — сказала она. — Но у меня появились вопросы.

Павел не ответил.

— Я могу поговорить с вашей мамой? — спросила Ника.

Ника осеклась: до сих пор она так и не спросила, почему архив матери привёз сын.

— Нет.

— Простите. Я не хотела…

— Она пропала.

Ника замолчала.

— Одиннадцать лет назад, — добавил Павел. — Я думал, вы поняли из письма.

Ника вспомнила формулировку: архив моей матери, долгое время находившийся в закрытой квартире.

— Нет. Вы не написали.

— Да. Наверное.

Он говорил устало, почти безразлично. Ника не поняла, забыл ли он об этой подробности или надеялся, что она догадается сама.

— Были какие-нибудь обстоятельства, которые мне следует знать?

— Она ушла из дома. Документы остались, деньги тоже. Следствие ничего не установило.

— А записи?

— Их забирали. Потом вернули.

Ника посмотрела на чёрную тетрадь. На продавленные ручкой строки.

Нельзя отвечать, пока не поймёшь, кому отвечаешь.

— Если вы найдёте что-нибудь, — сказал Павел, — пожалуйста, сообщите мне.

Он перестал подбирать вежливые формулировки.

— Что именно?

— Я не знаю.

После звонка Ника долго сидела, держа телефон. Потом внесла в рабочий документ ещё одну строку.

Владелица пропала одиннадцать лет назад.

К полудню Ника прочитала тридцать страниц. Между снами Вера Аркадьевна записывала адреса, расчёты, названия книг. В списке покупок значились чай, лимоны, батарейки, белая нить. Батарейки она вычеркнула аккуратной галочкой.

По этому списку женщину было легко представить: купила батарейки, забыла лимоны, сделала пометку на полях. Та же рука писала, что вещи переходят из сна в рисунок.

Комната занимала всё больше места в тетради. Короткое упоминание двери обрастало подробностями: тепло дерева, направление света, звуки снаружи. Вера Аркадьевна тоже считала шаги.

Сегодня их было восемь. Раньше я слышала девять.

Ника перелистнула страницу.

Возможно, он останавливается ближе.

Под этой записью стоял вопросительный знак, несколько раз обведённый ручкой. Дальше шли два листа с описанием писем, приобретённых в Риге. Затем снова комната.

Зеркало показывает правильно. Я проверяла.

Ника невольно повернула голову к карте. Остаток покрытия всё ещё скрывал маленькое отражение. Вчера она собиралась закончить этот участок сегодня. Теперь ей совсем не хотелось к нему прикасаться. Ника закрыла тетрадь и пошла за едой.

В кафе через дорогу было жарко. Возле окна сидели две женщины с ноутбуками; у кассы мужчина пытался объяснить, что заказывал кофе без сиропа. Ника взяла суп и сэндвич, хотя есть почти не хотелось. Телефон лежал рядом с подносом. Она открыла переписку с Асей и прикрепила две фотографии.

Ника: Вчера и сегодня. Это одна карта.

Сестра прочитала сообщение через минуту.

Ася: Вижу второй стул. Ты дорисовала?

Ника: Нет.

Появился значок набора. Исчез. Появился снова. Затем Ася позвонила.

— Ты меня сейчас разыгрываешь?

— Нет.

— Тогда расскажи нормально.

Ника посмотрела на соседний стол. Женщины обсуждали гостиницу, в которой невозможно было открыть окно.

— Мне приснилась эта комната, — сказала она. — Я передвинула стул. Утром он оказался там на рисунке.

Ася молчала. Ника потянулась за ложкой, но не взяла её.

— Я понимаю, как это звучит.

— Ты после сна что-нибудь делала с картой?

— Только достала из шкафа.

— Кто ещё туда мог зайти?

— Борис. Уборщица. Теоретически.

— Хорошо. Фотографии точно вчерашняя и сегодняшняя?

— Да.

— Пришли исходники как файлы, чтобы мессенджер не сжал фотографии.

Ника крепче прижала телефон к уху. Сестра собиралась проверять вместе с ней.

— Могу.

— И ещё сфотографируй её сейчас. С чем-нибудь рядом. С линейкой, например.

— Зачем?

— Не знаю пока. Чтобы было больше того, что можно сравнить.

На заднем плане кто-то позвал Асю.

— Мне нужно вернуться к записи, — сказала она. — Я через пару часов освобожусь. Сможешь созвониться по видео?

— Да.

— И поешь.

Ника посмотрела на суп.

— Откуда ты знаешь?

— Ты всегда так дышишь, когда сидишь над едой и не ешь.

После разговора она съела почти всё. На улице шёл мелкий дождь. Под козырьком кафе Ника несколько минут смотрела, как прохожие прикрывают телефоны ладонями и обходят лужу. Женщина с коляской ругалась на доставщика, загородившего съезд. Хотелось остаться: здесь любую неприятность можно было хотя бы назвать.

Вернувшись, Ника сфотографировала карту с линейкой и общий вид стола. Потом поставила телефон так, чтобы в кадр попадали руки и рабочая поверхность. Осталось осмотреть маленький участок, проверенный вчера. Под взглядом камеры Ника двигалась медленнее обычного.

Из-под покрытия выступили светлый край щеки, линия подбородка. Ника положила инструмент. В зеркале женщина смотрела немного в сторону: были видны глаз, щека и угол рта.

Ника приблизила оптику. Над левой бровью проходил светлый разрыв. Она машинально коснулась своего лба.

В детстве Ася столкнула её с дивана на деревянный угол столика. Шрам побледнел, но бровь там больше не росла. На рисунке это могла быть утрата краски — случайная светлая черта.

Ника разглядела чуть приподнятый угол рта, родинку возле носа. Эти черты она видела каждое утро в зеркале ванной.

Она отодвинулась от стола, выключила запись и открыла фронтальную камеру. Повернула голову так, чтобы свет падал сбоку. Сходство стало несомненным.

На карте женщина была в тёмном платье, а Ника спала в футболке. Поза тоже отличалась: нарисованная рука тянулась к двери. Но лицо было её. Ника закрыла папку.

Почти сразу открыла. Отражение осталось прежним.

Ася позвонила, когда за окном уже начало темнеть. Ника ответила по видео.

— Покажи карту, — сказала сестра.

Она была в наушниках, с убранными волосами. На щеке отпечаталась полоска от ладони. Ника переключила камеру.

— Вот.

— Ближе. Теперь остановись.

Она держала телефон двумя руками, чтобы изображение не дрожало. Ася некоторое время молчала.

— Это ты?

— Я только что открыла этот участок.

— Ты раньше его не видела?

— Нет.

— А у владельца есть твои фотографии?

— У меня есть сайт. Там фотография.

— Хорошо.

— Ась…

— Я не говорю, что это объяснение. Я просто спрашиваю.

Ника переключила камеру обратно. Сестра смотрела серьёзно.

— Пришли мне видео, которое ты сняла. И фотографии. Все, с самого начала.

— Они тяжёлые.

— Ника, я монтирую звук. Меня не напугать большим файлом.

Она помедлила.

— Я могу приехать.

Ника представила Асю в этой комнате, возле карты. Представила, как та наклоняется рассмотреть маленькое зеркало.

— Не надо.

— Почему?

— Ты работаешь.

— Я спросила, могу ли приехать.

Ника отвела взгляд.

— Давай сначала посмотрим записи.

Ася недовольно выдохнула.

— Хорошо. Но сегодня ты уйдёшь вовремя.

— И ещё.

— Что?

— Не делай вид, что всё нормально, только потому, что тебе неловко рассказывать.

После звонка Ника отправила файлы. Затем нашла большой чистый лист, накрыла им карту и убрала папку в шкаф. Дверцы закрылись с тихим щелчком. Она проверила, не остался ли на столе какой-нибудь лист из архива. Чёрную тетрадь тоже убрала. На этот раз ей хотелось уйти раньше, чем выключится свет в соседней мастерской.

Дома Ника включила телевизор, хотя обычно почти не смотрела его. На экране люди ремонтировали чужую кухню. Один из ведущих с восторгом объяснял преимущества скрытых шкафов. Хозяева квартиры улыбались так напряжённо, будто шкафы уже успели причинить

им вред. Ника разогрела остатки ужина. Проверила дверь. Вернулась к столу. Проверила ещё раз. В девять Ася прислала сообщение.

Ася: В файлах пока ничего странного не вижу. В смысле обработки. Сами картинки, конечно, странные.

Следом:

Завтра поговорим с владельцем вместе. Ты поела?

Ника отправила снимок пустой тарелки, получила в ответ одобрительный значок и рыбу. В десять решила, что спать рано. Потом приняла душ, сменила бельё: старое вдруг показалось неудобным. Зарядила телефон, положила рядом блокнот и ручку.

При двух включённых лампах спальня напоминала номер дешёвой гостиницы. Ника села поверх одеяла и открыла книгу.

Через двадцать минут она обнаружила, что трижды прочитала одну страницу. Из кухни продолжал говорить телевизор. Ника легла на бок, оставив свет: пока не спишь, ничего не происходит. Только глаза уже закрывались.

Она стояла перед зеркалом. Комната выглядела так же, как прошлой ночью. Целый стул оставался возле двери, боком. Ника увидела его в отражении и почувствовала такую злость, что страх на несколько секунд отступил.

— Нет.

Она зажмурилась, вспомнила две лампы, телевизор, телефон возле руки. Когда снова посмотрела в зеркало, на ней было тёмное платье.

Ника опустила взгляд. Плотная прохладная ткань, длинные рукава, юбка до середины икр, туфли. Ничего из этого у неё никогда не было. Она отступила от зеркала и снова принялась вспоминать спальню: белая наволочка, вторая лампа, голос из кухни.

Знакомые детали бледнели, а комната становилась всё отчётливее. Под стулом по-прежнему лежало кольцо; Ника не приблизилась к нему. Взялась за спинку целого стула, потянула на себя — и освободила ручку двери.

Зачем она это сделала? Нужно поставить обратно.

С той стороны постучали. Два негромких удара. Ника отпустила спинку. Несколько секунд стояла, глядя на дверь. Потом мужской голос произнёс:

— Ты вчера ушла.

Голос был спокойным, чуть хриплым. Ника представила человека по другую сторону: стоит, опустив руки, смотрит на ту же дверь. Вспомнила запись.

Нельзя отвечать, пока не поймёшь, кому отвечаешь.

— Сегодня откроешь? — спросил мужчина.

Ника прижала ладонь ко рту. Она могла отойти к окну и ждать звонка, утра, чего угодно. Но мужчина сказал «вчера». Он помнил её. Она убрала руку от лица.

— Кто вы?

Сначала ничего не произошло. Потом за дверью раздался тихий выдох.

— Ты меня не помнишь.

В голосе впервые появилась неуверенность. Ника посмотрела на зеркало. В нём отражались её плечо, край тёмного платья и дверь.

— Я вас не знаю.

Пауза длилась так долго, что она успела пожалеть об ответе.

— Хорошо, — наконец сказал мужчина. — Тогда начнём с этого.

Ручка чуть дрогнула.

— Я не войду, пока ты сама не откроешь.

— А если не открою?

— Сегодня ничего не случится.

Она смотрела на латунную ручку.
— Сегодня?
Он не ответил. Ника продолжала смотреть на ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.